

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ЗЛОВЕЩИЙ РУБЕЖ

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев

Зловещий рубеж

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Зловещий рубеж / С. И. Зверев — «Эксмо», 2022 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-169853-9

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя — неизменный знак качества каждой новой книги. Осень 1943 года. Советское командование готовит операцию по освобождению Гомеля. Чтобы не допустить продвижения передовых отрядов Красной Армии, фашисты планируют уничтожить стратегически важный мост, без которого наше наступление может застопориться. Спасти переправу вызывается лейтенант Алексей Соколов. Он предлагает смелый маневр группой своих танков на виду у вражеских батарей. Так наши артиллеристы смогут выявить и подавить огневые точки противника. Соколов понимает: от исхода этой смертельно опасной игры зависят сейчас тысячи чужих жизней...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169853-9

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Зверев

Зловещий рубеж

Глава 1

Парень замер на несколько секунд перед одноэтажным бревенчатым зданием с табличкой «Школа». Мысленно прошелся по тексту на листе бумаги в руках, все ли верно. Ему не хотелось краснеть за ошибки, должно быть написано четко и по-военному. Зашел, отдал честь, доложил. С мысли его сбила скрипнувшая дверь, из здания вышли двое взрослых мужчин в шинелях с прямоугольниками на петлицах, капитан и майор. Высокий майор с колючей щеткой усов усмехнулся, приняв юного худощавого танкиста в черном комбинезоне за новичка:

– Заплутал? Здесь штаб полка, командование. Тебе, если на прожарку, вон туда через два дома, там бочка стоит.

Прямо на улице действительно стояла самодельная прожарочная камера огромной бочки, где можно было повесить одежду на крестовине и с помощью пара обработать ее, уничтожая паразитов. Но командиру танковой роты, Алексею Ивановичу Соколову, было не до бытовых трудностей на передовой. Он принял важное решение и шел к командному пункту, чтобы его озвучить.

Капитан кивком поприветствовал лейтенанта. Он узнал Алексея Соколова, о котором много слышал из рассказов командиров танковых дивизий и которого уже видел не раз на совещаниях в ставке. О его подвигах, когда его экипаж выходил с победой из окружения или громил целую колонну немецких танков, ходило немало рассказов. В штабе среди опытных командующих батальонами молодой лейтенант больше молчал, а в бою удивлял маневренностью своего подразделения и опытным управлением ротой из командирского танка.

– Проходите, товарищ лейтенант. Товарищ полковник освободился. – Отойдя на пару метров, капитан вполголоса пояснил майору: – Это Алексей Соколов, командир танковой роты.

– Тот самый? На таком танке с названием? Ну как его? «Зверь»? – прищелкнул пальцами майор.

– «Зверобой», это название из книжки Фенимора Купера, я читал такую сыну, – подсказал собеседник, а в голове мелькнуло, как давно это было. Сын-школьник в кровати, жена стрекочет на швейной машинке в соседней комнате – воспоминания, словно сон из другой жизни, которая была десятки лет назад.

Внутри вскипела привычная ярость: гнать поганых фрицев без остановки, вышвырнуть их с оккупированной территории, чтобы больше носа не сунули в мирную жизнь советских людей. После успеха на Курской дуге Ставка Верховного главнокомандования направила все силы на освобождение Украины, а дальше Польша и Европа. Командующему 65-й армией поставили задачу: начать фронтальное наступление и нанести главный удар по силам противника с участием танковых и кавалерийских корпусов. Сегодня в штабе полковник зачитал директиву о переименовании Центрального фронта в Белорусский, в чьем составе теперь 3, 48, 50, 61, 63, 65 и 16-я воздушная армии. Это новое формирование должно форсировать Днепр и овладеть Киевом, оттеснив противника дальше на юг.

Майор взглядом проследил за лейтенантом, с интересом наблюдая, как черный тонкий силуэт на крыльце решительно потянул за ручку деревянную тяжелую дверь школы и шагнул в теплый сумрак коридора. Зачем молодой лейтенант явился в школу, которая стала штабом полка на время планирования наступательной операции?

В просторном помещении было пусто, часть парт сдвинули вместе, образовав общий стол для совещаний, остальную мебель местные жители давно уже разобрали на дрова. На стене и

школьной доске висели карты, утыканные значками, недавно закончилось совещание штаба. Полковник в гимнастерке с расстегнутым крючком воротничка сосредоточенно писал в планшете в ожидании, когда ординарец приготовит крепкий чай на горячей буржуйке.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – Соколов вскинул руку к шлемофону из черной кожи.

– Вольно, лейтенант. – Командир с немым вопросом окинул напряженную фигуру. – Вроде не вызывал тебя, докладывай.

– Вот, товарищ полковник, рапорт на перевод. – Лист, исписанный аккуратным почерком, лег на стол.

– Так, давай посмотрим. – Командир вчитался в ровные строки. – В ударную группу присышься, лейтенант... На прорыв обороны... Ну что же, такому, как ты, самое место на сложном участке фронта. Свяжусь сегодня с командующим танкового полка прорыва, оформим перевод туда. Экипаж твой готов на передовую?

– Так точно, товарищ полковник! – отчеканил Алексей.

Еще сегодня днем, только узнав из доклада политрука о готовящейся операции по прорыву обороны армии Гитлера, он объявил экипажу своего танка о решении перевестись в другое танковое формирование, чтобы участвовать в наступлении. Старшина Логунов – наводчик, ефрейтор Бочкин – заряжающий танкового экипажа, младший сержант Омаев – радист и стрелок и сержант Бабенко – механик-водитель, все его подчиненные без долгих обсуждений поддержали Алексея, скрывая за сухим согласием радость, что они смогут участвовать в освобождении Белоруссии. Ведь теперь Красная армия активно наступает, освобождая одну за другой три года назад оккупированные немцами территории. Отсюда когда-то, поливая кровью каждый метр земли, советским войскам пришлось отступать, поэтому вдвойне радостно гнать сейчас фашистов, что в панике теряют силы каждый день. А это значит, что станет молодой командир ближе к той минуте, о которой боялся мечтать. Теперь же появилась надежда, что скоро настанет время, когда советские танки ворвутся на окраины Могилева, разрушат тараном немецкие укрепления и освободят маленький поселок Мосты.

Все лето Красная армия вела масштабную битву на Курской дуге. 2 миллиона бойцов, 6 тысяч танков разгромили силы вермахта. Сражение длиною в 50 дней завершило коренной перелом в ходе войны, который начался в битве под Сталинградом. После победы на Курской дуге стратегическая инициатива перешла полностью к Рабоче-крестьянской Красной армии, которая теперь усилила наступательные операции и освобождала страну от немецких захватчиков. Новую победу главнокомандующий Ставки планировал закрепить следующим победным рубежом летне-осенней кампании – сражением за Днепр. А там за рекой ждут Украина и Белоруссия, мирные жители надеются каждый день, что скоро по родным улицам перестанут нагло расхаживать ненавистные немецкие солдаты и офицеры. И не просто исчезнут, а будут наказаны за все кошмарные преступления, массовые убийства стариков, детей и женщин.

После новостей о новом движении линии фронта в сторону Украины и Белоруссии молодой лейтенант Алексей Соколов всю ночь не мог сомкнуть глаз. Раньше перед его мысленным взором то и дело всплывала картинка – знакомая пыльная дорога, по которой шагал он в колонне военнопленных. Теперь в его полуснах-полумечтах она была чистая, без жутких воронок после бомбежек, а прямо посередине дороги стояла невысокая худенькая девушка с букетом полевых ромашек в руках. Его любимая Оля, которую пришлось оставить в отряде партизан на оккупированной фашистами территории. Уже прошли сотни дней с их вынужденного расставания, когда Алексей совершил побег и вернулся в советскую воинскую часть, а любимая девушка осталась бороться с германскими захватчиками у них в тылу. Сотни дней, тысячи часов, миллионы минут без единой весточки, жива ли она, не попала ли в лапы к немецким карателям или гауляйтерам. И вот появилась надежда, робкая и нежная, как полевые цветы в ее

руках, вновь увидеться с Олей. Соколов злился на свою сентиментальность, ну какие ромашки, ноябрь на дворе.

Но проснулся он с твердым намерением перевестись как можно ближе к линии фронта, лично принять участие в наступлении и ускорить день его встречи с любимой. Днем командир роты поговорил с экипажем танка и обрадовался, услышав согласие бойцов. Всю роту, конечно, вместе с ним могут не перевести, да и осталась от нее после последнего боя лишь часть. Танкисты, кто попал в госпиталь, кто был переведен для укомплектования в другие экипажи, а машины отправлены на капитальный ремонт на ближайший завод, где раньше собирали трактора, а теперь инженеры и механики «лечили» бронетехнику. Наспех позавтракав полевой кашей, Соколов засел за написание рапорта о переводе на переднюю линию фронта, где Красная армия каждый день все сильнее теснила немцев на запад. И потом с волнением нанес визит в КП, чтобы заручиться согласием на перевод. Он напрасно волновался о том, что получит отказ. Смелые тактические решения молодого лейтенанта Соколова и опыт его слаженного экипажа «тридцатьчетверки» как никогда были сейчас полезны в самом центре сражения с силами вермахта. Это понимал и его нынешний командир танкового полка, поэтому сразу сообщил в передовой эшелон войск о подкреплении.

Вручив рапорт, Соколов коротко попрощался. На крыльце он выдохнул с облегчением, все получилось, как и хотел, – коротко, ясно, без запинок. В свои 25 лет Алексей хоть и был опытным командиром, в подчинении целая танковая рота, но вот в общении с начальством ему по-прежнему приходилось преодолевать некое стеснение, чувствуя кожей удивление вышестоящих офицеров и их недоверие при виде совсем молодого командира. Высокий и худощавый, с тонкими чертами лица и светлыми прядями волос, он выглядел моложе своих лет, да и редкостью было для выпускника танкового училища за короткий срок службы получить в управление целую танковую роту, в которой он отвечает не только за свой экипаж и одну машину, а за 9 танков. В каждом Т-34 или, как говорится в военном уставе, в боевом отделении по 4 единицы личного состава: командир, наводчик, заряжающий, стрелок-радист. Всего 40 человек, которые слушаются командира беспрекословно. Положено сорок, но в реальности в его роте был хронический недокомплект, так как при ведении боев в самом пекле сражений с немцами практически каждое столкновение заканчивалось потерями. Сколько убитых, сгоревших заживо внутри танка и погибших при исполнении боевого приказа людей помнил Алексей. Оттого, что сотни раз столкнулся он со смертью лицом к лицу, у него на лбу залегла глубокая морщина да взгляд серых глаз стал глубоким и умудренным. Каждый свой бой, каждый шаг во время войны командир танкового отделения стремился просчитать, выстроить стратегию действий, как одержать победу и избежать трагических потерь. Потому что понимал, что за любую оплошность, просчет можно заплатить дорогую цену – жизнь одного из членов экипажа танка Т-34 с номером 077. Вместе с ними бок о бок он воевал, сидя в тесном отделении машины, уже несколько лет. Бойцы доверяли ему свою жизнь, зная, что командир не подставит под удар напрасно, поэтому поддерживали решение Соколова о переводе в ударную группу без долгих обсуждений.

Довольный устным согласием полковника, Алексей зашагал по селу, где временно размещалась механизированная бригада. Боевые подразделения распределили на постой к мирным жителям, для техники в элеваторе организовали ремонтную мастерскую, а в сельском фельдшерском пункте расположился медсанбат. За ночь к бригаде подтянулись подводы с тыловыми частями технического обеспечения, и жизнь в поселке закипела. По улицам ходили санитары с ведрами, неся воду для нужд санбата, из элеватора то и дело выезжали и заезжали в него машины, бронетранспортеры, танки, чтобы механики подлатали боевые ранения железных помощников бойцов.

Танкистов расположили отдельно, на краю села, где можно было укрыть тяжелые гусеничные машины в ближайшей рощице. Все-таки линия фронта всего в пятидесяти километрах

и небо каждую ночь бороздит люфтваффе с целью разведки или в поиске объекта для бомбардировки. Поэтому правила маскировки при каждой длительной стоянке танкисты соблюдали старательно. Радист Руслан Омаев с заряжающим Колей Бочкиным заботливо укутали их верного «Зверобоя» сверху куском брезента, чтобы защитить от влаги все три отделения машины: моторное, боевое и отделение управления. Сверху грубой промасленной ткани они густо уложили еловые лапы, ветки, которые сделали танк невидимым для воздушной разведки противника. Их машина уже побывала на профилактическом осмотре в мастерской, Бочкин с командиром танка Логуновым получил снаряды для комплектации. За день он успел натереть и закрепить их на стенах танка и в ящике для хранения, покрутить ручки наводки, чтобы проверить, как двигается орудие на цапфах в лобовой части башни. Руслан не отставал от приятеля, тоже заботливо укладывая и проверяя свое хозяйство – пулеметную установку в верхней лобовой плите корпуса, спаренную с 76-миллиметровой пушкой боевой машины. Даже прошелся ветошью по диоптрическому прицелу курсового пулемета, своей единственной возможности наблюдать за местностью при движении танка. Механик Бабенко провел почти весь день в ремонтной мастерской, где с радостью вспомнил прошлое инженера-испытателя на заводе по выпуску танков. Словно вернулся в мирное прошлое, где он обстоятельно беседовал с механиками, нырял под днище танка с другими инженерами, чтобы получше рассмотреть технические узлы и найти решение для устранения поломки. К обеду начальник ремонтного цеха с уважением предложил пожилому мужчине без военной осанки, что сновал по цеху с горящими глазами:

– Семен Михайлович, может, к нам давайте перевод, в ремонтный цех? У вас и голова и руки золотые, сейчас как никогда дефицит кадров. Ой как вы мне пригодились бы, ведь вы каждую детальку у машин будто сердцем чувствуете.

Сержант, в смущении от комплимента, потер заросшую седой щетиной щеку:

– Спасибо, конечно. Приятно было поработать, машины для меня как дети, это вы верно подметили. Но откажусь, останусь дальше механиком-водителем в нашем экипаже. Ребята ведь... – Семен Михайлович, от природы мягкий и деликатный, на войне отличался в разговоре от окружающих долгими формулировками, он так и не усвоил короткого и сухого военного языка. – Эти ребята, командир наш и остальные танкисты, для меня тоже как дети, не могу я их бросить. Нужен я на передовой. Да и не отступаем ведь, теперь только вперед идем. Знаете, даже вчера задумался, замечтался, как наш танк по улицам Берлина поведет.

– Поведете, Семен Михайлович, – с жаром воскликнул начальник мастерской. Преданность немолодого инженера вызвала у него внутри бурю эмоций, ведь может человек отсидеться в тылу на теплой технической должности, но рвется воевать до последнего. До победы!

Василий Иванович Логунов все утро провел за осмотром механизма наведения, проверяя сектор своей ответственности в танке – телескопический прицел и перископический панорамный прицел. Подгонял мальчишек, как он про себя называл Руслана и Кольку. Ефрейтор Бочкин этому отношению взрослого Логунова соответствовал как никто. Он и Логунов были призваны из одной деревни из-под сибирского города Омска. Да не просто являлись земляками, а были фактически родственниками, так как Василий Иванович перед войной ухаживал и мечтал жениться на крепкой и миловидной Любе Бочкиной. И вот так сложилась судьба, что с ее сыном прошел он в танке уже почти всю Россию, сначала обороняясь от фашистов, а теперь прогоняя их обратно на запад. Конечно, пройдя через страшные сражения, когда Колька и он сам чудом избежали гибели, он считал парня практически своим сыном. Поэтому и писал в каждом письме ненаглядной Любаше все больше про Кольку, как изменился и возмужал парень, который попал на войну еще совсем юным 18-летним мальчишкой. Вот и сегодня, уловив время, он в одиночестве уселся с химическим карандашом над половинкой писчего листа. Прежде чем уложить в дефицитную бумагу все свои мысли, Логунов долго размышлял над тем, что бы рассказать своей любимой. Поделиться радостью от военных побед нельзя, все сведения

о передвижениях и боевых действиях строго засекречены, так что писать приходилось о простых, бытовых мелочах. Да и сам Василий Иванович осторожно подбирал слова, чтобы Люба не переживала за него и Кольку. Поэтому сегодня описал он ей крепкий домик, где расположились танкисты, чтобы была уверена названная жена, что ее любимые мужчины отдыхают от сражений в тепле. Рука, он сам не понял как, вывела в конце: «Вернусь, и справим такой же небольшой дом Николаю, чтобы смог поселиться с невестой». Написал, прочитал и замер над этими словами – жалко вычеркивать. А от мысли, что вот-вот и вернется он к мирной жизни, где есть место свадьбам, новоселью, внутри все словно перевернулось. Так и просидел Логунов добрую четверть часа, обхватив голову богатырскими руками, над крошечным письмом с фронта. После велел Кольке добавить пару строк от себя и потом отправил пасынка на полевую почту в сельсовете. Сам же хозяйственный сибиряк растопил печь пожарче, собрал в доме все котелки и устроил настоящую прачечную, где прожарил портянки и нательные рубахи, развесил выстиранные еще вчера форму и комбинезоны. Слишком хорошо он помнил тяготы Первой мировой войны, которую прошел, и Финской кампании. Тогда от вшей он страдал невероятно, любую свободную минуту посвящал тому, чтобы избавиться хоть немного от мерзких тварей. С тех пор и завел привычку просушивать и прожаривать всю одежду и обувь возле огня на каждом привале.

К возвращению лейтенанта от командира полка бригада Соколова уже ждала его в скромной побеленной избе, где впервые за последние два года задымилась и потеплела старенькая печь. Хозяева домика, два пенсионера, погибли от ранений осколками фугасной бомбы еще в первую военную весну. Не успели убежать с огорода, когда в небе загудел залетный «Юнкерс». Домик же простоял целым несколько лет, а вещи в нем лежали так, словно старички вот-вот вернутся домой из поездки в соседнее село. Бочкин с Логуновым соорудили некое подобие землянки взамен разрушенной после бомбежки хозяйской бани, где они по очереди до скрипа отмылись от пота и грязи.

Сейчас экипаж в чистом исподнем сидел в натопленной избе за столом, на котором дымился котелок с вареной картошкой и кусками мясных консервов, рядом в миске аппетитно поблескивали моченые яблоки.

– Вот это пир, – восхитился Алексей, волнение после общения с полковником схлынуло, и он почувствовал зверский аппетит. Редко они видели в череде атак и наступлений обычную домашнюю еду. Тем более неоткуда было взяться такой роскоши, как картошка и яблоки.

– А это калым за Кольку, – чуть ли не лопааясь от сдерживаемого смеха, выдал Руслан. Серьезный и сосредоточенный в бою, он давал волю своему горячему чеченскому нраву в минуты отдыха. Семья младшего сержанта Омаева была из Краснодарского края, и парень охотно рассказывал о крепких традициях своего народа и даже демонстрировал кинжал, с которым еще его дед в Первую мировую бился против врагов.

Бочкин от колкой шутки залился густой краской и ткнул с возмущением ложкой в бок приятелю. Но того, как хулиганистого школьника, маневр только раззадорил, и он с ликованием почти выкрикнул:

– Это девушка из деревни нам к воротам принесла картошку и яблоки. Она в Бочкина влюбилась. После такого подарка он обязан на ней жениться. Калым за Кольку!

Степенные Логунов и Бабенко старались изо всех сил сдерживать улыбки, но в шутку младшего сержанта поддержали:

– А что, Николай, белорусские невесты хороши, воспитанные, красивые девушки. Считаю, что стоит согласиться. Я вот не женился, и бывает, что жалею об этом.

Бочкин с недоверием смотрел на всегда серьезного мехвода, не понимая, шутит он или нет. Парень перевел взгляд на земляка Логунова, ища поддержки. Но Василий Иванович улыбался всем своим широким лицом, на секунду представив вдруг, что получится у него погулять на свадьбе названного сына, на невесту он был согласен любую. Хоть на девушку из белорусской

деревни, хоть на студентку консерватории, Лизу Зотову, которую пасынок, кажется, полюбил всем сердцем. Молодому ефрейтору стало приятно и одновременно досадно от шуток товарищей, он буркнул:

– У меня вообще-то девушка есть, меня Лиза ждет в Куйбышеве. – И Бочкин уткнулся в свою порцию еды.

Во время обеда Руслан веселил товарищей рассказами о выкупе невесты на Кавказе, откуда был родом. Когда же смешки и разговор стихли, Соколов решил поделиться новостью:

– Командир полка мой рапорт одобрил, в ближайшее время откомандируют нас к другому формированию, перекинут ближе к линии фронта. Особый танковый полк прорыва. На передовой мы нужны, товарищи, готовится битва за Днепр и за Белоруссию.

Словно в подтверждение его слов, в окне мелькнула шинель. Вестовой без церемоний ввалился в избу и козырнул:

– Здравия желаю. Приказ командира полка: через полчаса формирование колонны у выезда из деревни, вместе с частью механизированной бригады направляетесь в Деражичи, в расположение 9-го танкового корпуса. Там поступаете под командование генерала Бахарова. На время передислокации командир мехколонны лейтенант Соколов.

Дисциплинированный экипаж дружно поднялся из-за стола, мирный перерыв закончился, пора собираться в дорогу.

Через полчаса скромная колонна вытянулась и спешно покатила по проселочной дороге. Короткий ноябрьский день к тому времени закончился, и деревня мирно спала, даже вездесущие деревенские мальчишки не бежали вслед танку с красными звездами на бортах. Впереди в переднем эшелоне, возглавляя колонну, шел танк. За ними гудели грузовики с личным составом и офицерами стрелковой роты. Алексей по привычке, укоренившейся за время войны, наблюдал из командирской башни за местностью, вслушиваясь в каждый звук. Между танком и часовыми на грузовиках поделили сектора наблюдения на время марш-броска, и теперь он неотрывно следил за дорогой и редколесьем на левом фланге. Ноябрьские ранние сумерки окутали лес вокруг, слились с дорожной грязью. Колонну с погашенными фарами теперь практически не было видно, танк накрыли брезентом, чтобы внутрь не просачивалась сырая ноябрьская морось. Темнота как черным плащом обняла изуродованную воронками взрывов, братскими могилами, минными полями землю, даже и не скажешь, что здесь недавно шли ожесточенные бои. И фронтовики снова рвутся в бой, чтобы гнать немецких захватчиков прочь с родной земли.

Стремительное движение линии фронта, успехи освободительных операций привели к тому, что Ставка нацелила РККА на освобождение Белорусской ССР, дальше армию освободителей ждет истерзанная немецкими фашистами Польша, а потом путь советских воинов лежит через Варшаву прямо к сердцу фашистского зверя – Берлину. Перелом в войне произошел, больше они не отступают, а гонят прочь захватчиков.

Это все Алексей понимал, но за годы войны привык быть осторожным, недоверчивым к собственным хрупким надеждам. Сколько погибших товарищей в мгновение ока расставались с жизнью, поэтому мечтать о мирной жизни можно только после окончательной и бесповоротной победы Красной армии.

Снизу раздался сочный бас Логунова:

– Спускайтесь вниз, товарищ командир, отдохните, я подежурю. Через полтора часа прибудем, и я вас разбужу.

Алексей возражать не стал, веки тяжелели, а голова все глубже и глубже покачивалась в такт мерному движению танка. В темном нутре железной машины он закрыл глаза, просунул руку за ворот комбинезона и прикоснулся пальцем к сложенному бумажному прямоугольнику в нагрудном кармане. Это стало его ритуалом перед сном – читать письмо Оли. Но буквы, написанные карандашом, быстро стали бледнеть, а бумага тончать от ежедневных прикосно-

ваний, да и текст письма он запомнил наизусть. Поэтому парень стал просто прикасаться к сложенному листку, закрывать глаза и читать мысленно про себя строчку за строчкой.

Алешенька! Мой дорогой командир! Нас срочно отправили в город. Зачем, сказать не могу. Ты же сам понимаешь, что этого говорить нельзя. Я не знаю, когда мы теперь с тобой увидимся, милый. Война, страшная война на нашей земле. Ты командир Красной армии, я комсомолка. Но я не это хотела тебе сказать.

Леша, если мы больше не увидимся, если нас разбросает эта война, то помни, что я всегда любила и буду любить тебя. Только тебя одного! И я буду хранить тебе верность и буду ждать тебя, как всегда на Руси женичины ждали воинов. Я глупая, да? Фантазерка?

Просто я люблю тебя. И пусть фантазерка и выдумщица. Ты сохрани это письмо. Это мои мысли, частичка моей души в этих строках. И моя любовь будет беречь тебя на войне.

Твоя Оля.

Сегодня только он закрыл глаза, как зазвучал ее голос, а потом и сама Ольга прикоснулась к щеке тонкими прохладными пальцами. Под строгими бровями блеснул озорной взгляд. В своей стремительной манере она обняла его за шею и уткнулась холодным носом в шею. От ледяного прикосновения Соколов вздрогнул и проснулся. Сонно коснулся шеи, но под пальцами оказалась всего лишь холодная капля конденсата с люка танка.

Глубокой ночью, на командирских часах стрелки показывали три часа, когда колонна прибыла в назначенную точку – поселок Держачи. Луч фонаря дежурного офицера на блокпосту прошелся по документам красноармейцев и погас. В крошечной темноте лейтенант почти не различал лица говорившего, лишь слышал команды уверенного бодрого голоса:

– Командир танковой роты с остальным командным составом в грузовик, направляетесь в соседнюю деревню, в штаб корпуса. В семь утра совещание для всего командного состава. Мехводам отвести танк и грузовики для осмотра на соседнюю улицу. Возле здания подстанции подвижное ремонтное подразделение, там же получите горючее. Личный состав на ночевку в два крайних дома по правой улице. Места мало, товарищи, потеснитесь.

В темноте шевелились невидимые солдаты, высаживались из машин, бряцая винтовками, заурчали грузовики, следуя приказу дежурного офицера.

После теплого пространства танка Соколова передернуло от ночной сырости, он плотнее запахнул кожаную куртку и отдал распоряжение Логунову принять командование отделением на время его отсутствия. Дошел до фыркающей «эмки», ловко запрыгнул в небольшой открытый кузов, офицер стукнул по кабине ладонью – трогай.

В темно-зеленом грузовичке командира танкистов приветствовали несколько голосов, один низкий, осипший, а второй высокий и прерывистый. Когда глаза привыкли к темноте и машина тронулась, в открытом кузове Алексей смог рассмотреть в тусклом свете звезд спутников. Крупный мужчина, заросший черной щетиной, укутался до ушей в шинель, натянув ушанку посильнее, и полулежа покачивался в такт движению машины. Алексею ударил в нос резкий запах гари от его одежды, лицо соседа было покрыто слоем засохшей пыли, словно маской. Даже в темноте было заметно, что он выглядит уставшим: лицо осунулось, а веки отекали от пороховых газов. Второй пассажир, кудрявый молодой человек без головного убора, в топорщащейся необмятой шинели, сверкнув стеклами очков, протянул для приветствия левую руку, из правого рукава торчала скрюченная усохшая кисть.

– Здравствуйте. Лейтенант Кирилук, военный корреспондент газеты «Знамя Советов», – представился он и продолжил полушепотом, чтобы не беспокоить дремавшего: – Можно просто Григорий. Извините, что тихо. – Он кивнул в сторону темной фигуры. – Это командир роты стрелков, после боя сразу перебросили сюда ночным маршем, отдохнуть человеку надо.

Соколов представился, и тут же согнутая фигура зашевелилась, приподнялась. Мужчина сел и хрипло попросил:

– Есть вода, лейтенант? И тряпка, лицо обтереть, а то в штаб корпуса едем все-таки.

Алексей протянул фляжку и захлопал по карманам в поисках тряпицы, но Кирилюк опередил его и протянул сонному соседу чистый платок. Тот издал довольный смешок, вылил щедрую порцию на платок и начал приводить себя в порядок. От влажной ткани будто слезла серая кожа: проступили острые выступающие скулы на вытянутом лице, крупный нос, узкая полоска обветренных губ и черные, глубоко посаженные глаза под густыми бровями. Не поднимая до конца красные веки, мужчина кряхтел от прикосновений холодной воды, но отчитывался в полудреме:

– Командир штрафной роты лейтенант Петр Иванович Завьялов. В бою с противником погибло более 50 человек личного состава, во время двух ночных маршей до пункта назначения умерли от ранений командиры взводов, в живых из офицерского состава осталось два человека и уполномоченный Особого отдела НКВД.

После ледяного умывания Завьялов немного пришел в себя, оживился, огляделся вокруг, удовлетворенно провел по чистому лицу крупной рукой:

– Ну вот, теперь хоть на человека похож. Дрались мы как черти, патроны кончились, бойцы мои фрицев саперными лопатами рубили. Потом две ночи шли сюда без остановки.

– Вы поспите, товарищ лейтенант, мы не будем вам мешать. Ложитесь к нам за спины, чтобы ветер не задувал, – предложил Соколов. Внутри у него все переворачивалось от желания сделать что-нибудь полезное для измученного командира, который недавно выиграл кровопролитный бой, но, как назло, даже сухари из сухпайка он оставил в танке.

Завьялов только в знак согласия кивнул и тут же свернулся калачиком за их спинами, подняв воротник шинели до самых ушей, сквозь дремоту хохотнув:

– У пехоты, как говорят, лопата под головой – мягче спится. Помешают они. Привык я уже. Вот, угощайтесь. Трофейный.

Широкой ладонью Завьялов нащупал в кармане круглую банку, сунул им под ноги и уснул.

Алексей аккуратно открыл жестяную крышку, а корреспондент, старательно вглядываясь в готические буквы надписи, прочитал:

– Шо-ка-ко-ла, это что... у мертвого немца взяли? У трупа? – Корреспондент не решился взять угощение, отдернул руку в последний момент.

Алексей же с аппетитом сунул в рот кусок шоколада и ощутил, как на языке растекается сладкая волна. Глядя на боевого командира, Григорий нерешительно перехватил из банки крохотный кусочек лакомства и отправил в рот. Несколько минут они ехали молча, потом Кирилюк смущенно откашлялся и зашептал:

– Я так рад, что удалось попасть на фронт. Я же местный, в гомельском университете на филологическом факультете учился. Мне два года отказывали из-за травмы руки, пришлось в тылу сидеть. – Соколов покосился на безжизненную руку в шинели. – Я в школе у детей уроки вел, а сейчас вот удалось добиться перевода из эвакуации. Я как услышал первые сводки с Курской дуги, сразу понял: ну все, погоним немца! Сколько можно отступать и обороняться! Теперь только вперед, ни шагу назад по приказу Главнокомандующего! Я на линию фронта попросился, чтобы быть тоже полезным. Буду освещать в армейской газете все победы Красной армии! Вот у вас, товарищ Соколов, есть рассказы о боевых достижениях экипажа вашего танка? Я ведь слышал вашу фамилию в сводках, вы же герой, столько подвигов совершили. Ваш портрет непременно надо в передовицу поместить.

Алексей смутился:

– Да какой герой, я же не один, вместе с экипажем танка. Без них ничего бы не получилось, мы с самого начала военных действий вместе воюем.

– Вот именно, я заметил, что многие однополчане друг другу как семья стали. Хочу об этом написать, о настоящей фронтовой дружбе, товарищеской поддержке. Я вот даже записывать стал себе выражения, которые на фронте про дружбу придумали. «Выручай товарища в бою: ты жизнь его спасешь, а он спасет твою», потрясающе, да?! Ведь только вместе у нас получилось остановить наступление вермахта, преодолеть сопротивление противника. Скоро выйдем его из Белоруссии, а потом будут освобождены от немецких захватчиков Украина и Польша!

Лейтенант, соглашаясь, кивал в такт словам взбудораженного военкора. Действительно, на фронте случился перелом. Теперь стратегическая инициатива на стороне Красной армии, наступательные операции будут идти одна за другой до полного освобождения земли от немецких захватчиков. Но для лейтенанта Соколова его путь к победе отличался от передовиц в газетах и политических агиток. Холод, голод, сотни смертей товарищей и едва знакомых ему людей, десятки столкновений с врагом, когда экипаж танка оказывался в отчаянном положении, на волосок от смерти, остались навсегда в памяти парня. За три года войны он с каждым боем становился все более опытным, сдержанным воином, который предпочитает молчать о кровавой цене победы. Кирилл же говорил без умолку, забыв о дремлющем за их спинами командире пехотной роты. Грузовичок резко вильнул, сделав поворот, и они оказались у военного поста на въезде в деревню, где наряд проверял документы у прибывавшего из разных частей корпуса офицерского состава.

Совещание проводилось в большом здании Дома пионеров, где в сохранившейся части строения отвели для проведения совещания большой светлый зал. Разбитые от бомбежек окна были крест-накрест заколочены досками, но в зале топилась буржуйка, так что танкисту даже пришлось от тепла расстегнуть куртку. Алексей с попутчиками заняли места рядом, на одной из наспех сколоченных лавок. Окончательно проснувшийся Завьялов ушел искать туалет, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Боевой командир чувствовал себя очень неуютно в грязной шинели среди чистеньких штабистов. Соколов не обратил внимания, когда он вернулся, доклад командира танкового корпуса Бахарова уже начался. Лейтенант достал карту из планшета и внимательно отслеживал маршрут наступления, о котором говорил генерал. Тот же, невысокий и крепкий, в потертой форме с широкими погонами, скинул полушубок и папаху, чтобы с указкой в руках показывать на большой карте на стене, как будет далее развиваться наступление:

– Задача Красной армии прорвать оборону противника, разделить группу немецких армий «Центр» и «Юг». Главный удар направлен на оборону противника на линии Липняки – Ястребка. Наши войска вплотную приблизились к Гомелю, заняли позиции в Добруше и Новобелице, задача – разрушить сильную оборону немцев вокруг Гомеля и в междуречье Сожа и Днепра. Верховным командованием принято решение перебросить части к Лоеву, форсировать Днепр и наступать в направлении Речицы. Одновременно начнется наступление через реку Сож от деревни Хальч, – чеканил слова громкий голос генерала. – Наш Заднепровский плацдарм в районе Лоева нависает над гомельской группировкой противника. Гитлеровское командование стягивает сюда силы с других участков фронта. Немецкое радио и печать шумят и кричат о «неприступности Восточного вала»... – Генерал вдруг замолк и обвел глазами сидящих перед ним боевых командиров. Каждый из них командует десятками и сотнями людей, и от них зависит результат наступления. Он должен вдохновить их, зажечь, чтобы ни один человек в этом зале не сомневался в победе над немцами. Голос командующего взвился, так что у Алексея побежали мурашки по коже под танковым комбинезоном. – Это не просто обычная для гитлеровской Германии пропагандистская шумиха, – говорил командующий. – Немецкие генералы сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва пресловутого Восточного вала. У противника прочный рубеж, и для успеха наступления нужен смелый маневр, чтобы обмануть вражеское командование. Маршалом Рокоссовским было принято стратегическое

решение. Демонстрируя сосредоточение крупных сил на одном участке фронта, где действуют шестьдесят девятая армия под командованием генерал-полковника Колпакчи и одиннадцатая армия Федюнинского севернее Гомеля, подготовить и нанести удар совсем в другом направлении. Неожиданный удар будет нанесен с Лоевского плацдарма, в первом эшелоне наши шестьдесят пятая и шестьдесят первая армии генерала Батова.

– Хитро, вот что значит военная тактика! – прошептал Кирилюк.

Военные командиры дисциплинированно молчали, ожидая окончания выступления командующего. Десятки глаз лишь внимательно изучали стрелки на карте, жадно всматриваясь в каждое движение указки. Отличный стратегический ход на бумаге и словах выглядит всегда блестяще, но вот какими силами будет осуществляться удар по немецким укреплениям? Каждый из них знал, что такое «Восточный вал» и линии «Вотан» и «Пантера», протянувшиеся от Балтийского до Черного моря.

С августа 43-го года, после победы КРКА на Курской дуге, Гитлер отдал приказ о строительстве укрепленной линии на Восточном фронте. Советская разведка доносила сведения о гигантских масштабах готовящихся укреплений сил вермахта. Противник после поражения готовился к масштабному сражению и сооружал в быстром темпе, с помощью военнопленных, широкую и длинную линию фортификаций разнообразного профиля. Всего было построено свыше 6000 дотов и дзотов силами плененных советских граждан. Проволочные заграждения растянулись на 180 километров, естественные препятствия в виде озер и рек немцы укрепили километрами противотанковых рвов. Делали фашисты свои окопы с немецкой педантичностью, надеясь масштабной стройкой остановить победное шествие соединений советских войск.

Самое страшное, что просто отдавать обратно оккупированные земли Германия не планировала. Было подготовлено к затоплению большое количество территорий, прилегающих к укрепленной линии районов, города и села вермахт запланировал превратить в «выжженную землю»: уничтожить всю инфраструктуру и выслать все население в концентрационные лагеря.

От мысли, что Оля может сейчас быть в смертельной опасности и он никак не может повлиять на скорость освобождения оккупированной Белоруссии, Соколов сжал кулаки и стиснул челюсти. Необходимо нанести удар до того, как разведка немцев разгадает их обманный маневр.

Алексей почувствовал над ухом чужое дыхание, Завьялов тоже с вниманием водил взглядом по его карте, представляя себе план наступления, нарисовал пальцем на карте окружность вокруг Гомеля и прошептал:

– Знатные клещи получатся.

После окончания совещания генерал дал команду «вольно», и офицеры зашевелились, заговорили, обсуждая новости. В просторном холле среди движущейся толпы Алексея Соколова заметил высокий капитан с танками на петлицах. Он с добродушным видом кивнул:

– Смотрю, молодой лейтенант, значит, тот самый Соколов. Капитан Тарасов, Петр Максимович, командир пятьсот восьмидесятого танкового батальона. Ты теперь в составе моего батальона – пятнадцатая гвардейская танковая бригада первого гвардейского танкового корпуса.

Лейтенант Соколов остановился и отчеканил приветствие новому командиру. После него зазвучал знакомый голос, Кирилюк тоже решил представиться и сразу озвучить просьбу:

– Товарищ капитан, разрешите с ударной танковой группой пойти в наступление, собираю материал для статьи о разгроме фашистов!

Широкий рот командира растянулся в улыбке, кончики острых ушей и широкие залысины порозовели от приятного воспоминания.

– Глаголом жечь сердца людей – это верное решение, товарищ Кирилюк. Слово важно для поддержания боевого духа в бойце Красной армии. Сам работал на гражданке учителем

литературы, знаю, как правильные слова действуют. Поступаете под командование лейтенанта Соколова до окончания операции. – Капитан Тарасов стал серьезным, нахмурил широкий лоб. – Лейтенант, вы слышали доклад генерала Бахарова, сейчас поясню вашу задачу. Сегодня ночью начнется форсирование Днепра, наша задача – овладеть укрепленным плацдармом противника на правом берегу Днепра. Ударим все разом по сигналу, линия наступления запланирована шириной в сто километров. Ваш сектор в двадцати километрах западнее общей переправы. Роту тебе я уже сформировал, познакомишься с экипажами, как вернемся обратно в лагерь. Сейчас разворачивай карту, сразу покажу ориентиры.

Молодой танкист торопливо расстегнул планшет, вокруг сгрудились Завьялов и Кирилюк.

– Вот здесь мелководье, можно будет вброд перебраться танкам. Остальная часть батальона переходит реку вброд или по построенным переправам. Атака начнется в шесть тридцать при поддержке артиллерии и самолетов штурмовой дивизии по сигналу ракеты. Под ваше командование поступают девять танковых отделений, список держите, позже ознакомитесь. – Капитан протянул лист бумаги с заполненным от руки текстом. – Надо быстро разобраться со своей ротой, лейтенант, познакомиться, времени на раскачку нет. Ночью нам в подкрепление перебросили части стрелковой дивизии для сопровождения танков во время боя. Возьмете к себе на броню три взвода штрафников для огневой поддержки.

– Так точно, прибыли ночью, – прокаркал осиплый голос Петра, нового знакомого Алексея. – Командир штрафной роты, лейтенант Завьялов.

Тарасов скользнул внимательным взглядом по грязному обмундированию и усталому лицу офицера:

– Доложите о количестве личного состава и вооружении, товарищ лейтенант.

Пока Завьялов перечислял, сколько оружия и боеприпасов осталось, у комбата на широком лбу залегла глубокая морщина. Он кивнул и вдруг заговорил неофициальным тоном:

– Сейчас возвращайтесь в деревню, там бойцов одеть, накормить, выдать оружие и патроны и отправить на постройку средств для переправы. Инструмент и веревки запросите у начхоза. Кто не поместится на броне, сплавляются на плоту. Командир ударной группы лейтенант Соколов, пехота поддерживает боевые действия танковой роты.

Его обычная речь, без военного официоза, понравилась лейтенанту Соколову. Тарасов напоминал ему заботливого и надежного Бабенко, который в силу возраста понимал, что голодным и в холоде долго не провоюешь. Он поставил не только задачи, но и позаботился, чтобы вымотанная рота штрафников привела себя в порядок перед атакой.

– Лейтенант Соколов, – голос комбата вырвал Алексея из собственных мыслей, – проследите за подготовкой техники к водной переправе, вы будете командовать наступлением в вашем секторе. Плацдарм хорошо укреплен, дзоты, окопы, сооружения для огневых точек. Воздушную разведку засекали мгновенно, так что получить точных данных не удалось. Чего там только немцы не натывали, и рвы, и надолбы. Вот карта с укреплениями, которую передали партизаны. Это все, что мы знаем о сооружениях на том берегу Днепра. Разберетесь?

Соколов кивнул и осторожно убрал вытертый листок в планшет. На кривой осьмьюшке бумаги кто-то мелкими неровными линиями и значками обозначил расположение немецких укреплений на противоположном берегу. Конечно, это не привычная карта или схема военных укреплений, но нарисовано вполне понятно. А самое важное: он хотя бы будет представлять, что же ждет танковую роту после переправы через Днепр.

– Бой будет тяжелым, берег высокий, мы перед немцами как на ладони. Они эту занятую высоту так просто не отдадут. Но пути назад нет, не можем мы отступить. – Тон у Тарасова был такой отеческий и теплый, что Соколов не выдержал, ответил не по уставу:

– Мы не подведем, товарищ капитан, возьмем плацдарм! – И тут же смутился от своего мальчишеского обещания.

Но Тарасов совсем не возмутился его импульсивным ответом, даже обрадовался, что молодой лейтенант настроен на победу. Хотя, конечно, не понравился ему горячий порыв парня, война прежде всего – это холодный расчет, а потом уж сантименты. После победы.

– Выполняйте приказ, лейтенант, – кивнул комбат, внимательные карие глаза ощупали молодого командира: не растеряется ли, не положит ли всю свою ударную группу под огнем противника.

На обратном пути Кирилл делал пометки для будущей статьи, наблюдая за Завьяловым и Соколовым. Командиры танкового и пехотного отделений сразу нашли общий язык, принялись с ходу разрабатывать план общей операции. Зря сомневался комбат Тарасов в Соколове, разумности и стратегического мышления у Алексея хватало с лихвой. Он тоже придерживался мнения, что хорошая подготовка дает больше шансов на победу. Лейтенанты развернули на коленях карту, приложили к ней самодельную схему от партизан и с помощью курвиметра стали разбираться с расположением противотанковых укреплений и огневых рубежей немцев на другом берегу Днепра.

Корреспонденту очень хотелось засыпать их вопросами, но при первой же попытке это сделать колючий взгляд Петра остановил любопытного военкора. Нет у них времени на пустую болтовню, пускай и важно это – поднимать боевой дух личного состава Красной армии, агитировать со страниц газеты, но сейчас для них было важно другое. Представить себе схему укреплений противника на каждом метре плацдарма, скоординировать общие действия двух сил – техники и людей, так, чтобы выбить немца одним ударом. Из-за обилия незнакомых слов – опорный пункт, командная высота, огневая площадка, передний рубеж обороны, блиндаж, колючка – Григорий никак толком не мог понять, о чем же они говорят. Поэтому ему оставалось только вслушиваться в разговор двух опытных военных, хотя по возрасту они и были примерно ровесниками. Но и Соколов, и Завьялов за несколько лет на фронте накрепко усвоили, что в бою может произойти всякое. Пехота дрогнет от неожиданного сопротивления, или немец устроит засаду с пулеметами и выкосит за пару минут весь личный состав подразделения, но лучше быть готовым ко всему, понимать этапы захвата каждого метра названной высоты.

После возвращения из КП начались хлопоты подготовки.

Бабенко, обстоятельный и хозяйственный, с остальными механиками-водителями танков аккуратно забивал паклей щели в машине, щедро заливая ее солидолом. Инженер, в прошлом водитель-испытатель Харьковского завода, он знал Т-34 как свои пять пальцев, испытывая к технике отеческую заботу, словно к жене, которой у скромного Семена Михайловича не было. Одновременно мехвод проверял и чужие танки, подмечая проблемы с подвеской или плохое состояние траков. Ну не мог он сидеть без дела ни минуты, когда столько техники требует его внимания, только и удалось сделать перерыв на перекур, чтобы подышать душистой самокруткой. Бочкин возился с боеприпасами, укладывая и пересчитывая снаряды, а сам прислушивался, когда уже придет полевая кухня. В бою мысли о еде в голову не лезли, а вот во время затишья молодой организм давал о себе знать.

Лейтенант Соколов собрал на остатках разгромленной поленицы возле дома, куда их приютили, своих новых командиров отделений. Он всматривался в незнакомые лица, задавал вопросы и пытался понять, проникнуть каждому в мысли и в душу. Ведь утром ему с ними идти в страшный бой, где нет возможности для отступления. За кормой танков будет Днепр, а впереди превращенная немцами в крепость территория. «Только это наша земля, – подумал Соколов, – и мы ее заберем обратно любой ценой».

– Командир танка «ноль двадцать», лейтенант Кравченко! – смущенно представился смуглый парнишка, видимо, недавний выпускник школы танкистов.

За ним прогудел раскатыстый густой бас:

– Экипаж пятьдесят два, Русанов, и машина «ноль пятьдесят», тоже Русанов.

– У кого номер побольше, тот Русанов-старший? – уточнил Алексей, поглядывая на двух очень похожих танкистов. Оба в черных комбинезонах, оба с белесыми бровями и светлыми ресницами, лишь у командира «050» экипажа вместо отцовских морщин гладкие щеки с едва видимым золотистым пушком.

Русанов-старший по-своему понял внимательный взгляд ротного:

– Вы не сомневайтесь, товарищ командир, Родион три года отвоевал радистом в моем экипаже. Танковую науку знает от и до. Если что не так, вы только скажите. – Отец сжал в большой кулак крепкую руку.

– Хорошо, – кивнул Соколов и заглянул в список, что выдал ему Тарасов. – Коробов, танк с номером ноль одиннадцать.

– Барабанные палочки, – по-мальчишески хихикнул Кравченко и тут же залился свекольным румянцем под тяжелым взглядом Русанова. Из-за спин других командиров показался невысокий щуплый танкист с лычками старшины, на его лице расплзся свежий багровый шрам от ожога. «Горел уже в танке, опытный в бою», – подумал Алексей, и карандаш в его руках задвигался дальше по строчкам, мысленно же он делал для себя пометки: медлительный Радченко с задумчивым взглядом – 21-й номер, Буренков – танк «061», высокий, с энергичными движениями длинных рук, Бочковский Владимир – собранный мускулистый крепыш, который, казалось, прямо сейчас готов броситься в бой. Номер его машины «003» очень подходил командиру отделения, словно повторяя его крепкие округлые мускулы плеч и рук.

Соколов старался запомнить их имена, лица, отмечая сразу более опытных танкистов, чтобы поставить их в первый эшелон во время атаки. После знакомства он разложил на поленице карту и объяснил приказ командира бригады, потом обвел глазами военных:

– Необходимо провести разведку местности, высота берега не позволит рассмотреть фортификацию немцев и военный арсенал, но отправную точку на берегу необходимо осмотреть. Для танков контакт с водой всегда опасен.

– Я готов отправиться на разведку местности, – раздался тихий голос Коробова. Из-за тяжелого ранения говорил мужчина медленно, стянутая на лице кожа не давала возможности свободно шевелить губами.

Алексей отправил трех человек получать боеприпасы, подвижный Буренков зашагал к танкам, чтобы контролировать матчасть у механиков. Молодой командир снова стал рассматривать карту, потом, прихватив бинокль, решительно зашагал в сторону полосы деревьев, где скрывалась извилина широкой реки километрах в десяти от их расположения. Потратит часа три, но своими глазами вживую увидит берег реки, откуда завтра сплавляться, чтобы не ждали его неожиданные препятствия в самом начале операции. В сторону противоположного берега двинулся Соколов в сопровождении неразговорчивого Коробова. Больше часа они молча пробирались по редкому лесу до тех пор, пока Соколов не указал на опушку, которая, судя по карте, была самой высокой точкой на ближайших километрах пять. Взобравшись на пологий холм, он прижал бинокль к глазам. В него был виден другой берег, высокий и крутой, на который танкам будет тяжело взбираться. А вот для противника идеальная позиция, чтобы обстрелять их с высоты еще во время переправы. Неужели нет другого места, с более пологим берегом? Соколов подумал о том, что завтра, как только танки пойдут по воде, противник тотчас откроет по ним огонь, что принесет тяжелые потери. От нарисованной картины парень снова схватился за карту, чтобы посмотреть и согласовать со штабом другой маршрут переправы. Но сдержанный Коробов тихо его остановил, угадав размышления командира:

– Здесь больше нигде нет мелкоты и берег везде высоко. Брод только в этом месте. Днепр река глубоководная, танки лучше по переправе вести на тот берег.

– А вы откуда знаете, местный? – заинтересовался Алексей и сложил карту. Ну что ж, раз нет другого хода, то придется надеяться, что ранним утром немецкая оборона не будет готова к неожиданной атаке. Мост через реку за ночь им не возвести, да и на той стороне

неприятель мгновенно засечет любую активность советских подразделений. Судя по карте, первые же наблюдательные и защитные посты расположены буквально через несколько метров друг от друга.

– Нет, я здесь в сорок первом отступал, хорошо эти места запомнил, каждый километр, – тихо и мерно, в такт своим шагам поделился обожженный танкист. – Со своим экипажем шел... – Весь путь обратно он молчал и только перед деревней выдал сокровенное, болезненное: – Я с ними всю войну прошел и вот не уберег... все сгорели в подбитом танке, а меня вытащили после боя, вылечили...

«Не представляю, что он чувствует, потеряв свой экипаж, с членами которого воевал бок о бок каждый день. Товарищи для тебя важнее, чем ты сам. Жизнь за них готов отдать», – от мысли, что его верные соратники, его отделение может погибнуть, у Алексея Соколова побежал холодок по спине, а в горле встал ком. Совсем не по уставу, не по-командирски он осторожно сжал изуродованную кисть танкиста в знак поддержки.

– Каждый из них герой, погиб, чтобы дети, семьи наши в мире жили. В памяти они останутся навсегда. И вы должны за себя и за них жить и воевать.

Поникший от тяжести своего горя мужчина только и смог, что кивнуть в ответ. Но потом пришел в себя и уже деловым тоном предложил:

– Пехоту можно на плоты посадить и между танков ее пустить. На броне людей пулеметом скосят до конца переправы. А так будут как в люльке железной ехать. Танку-то что пулемет, что ружья не помеха.

Соколов, испытывая к Коробову благодарность, кивнул:

– Хорошая мысль. Главное, чтоб материала хватило и времени, столько плотов соорудить.

Лейтенант Завьялов тем временем принимал пополнение в свое подразделение. Перед ним топтались два десятка новых рядовых, одетых вразнобой, в ватники и шинели. Он отмечал в списке новоприбывших, вглядывался в лица, задавал вопросы. Командир спрашивал, где воевали, чтобы понять, на что годны новые бойцы. Рядом на пеньке восседал политработник с пачкой личных дел. С суровым лицом он уточнял причины попадания в ряды штрафников. Вновь прибывшие вели себя по-разному: кто-то смущался своего проступка, говорил с опущенными в землю глазами, а кто-то с наглостью и бравадой цедил сквозь зубы статью, по которой был судим. Петр Максимович за время командования штрафной ротой привык к разношерстному контингенту, по манере держаться научился вычислять заранее, кто из бойцов готов искупить вину отвагой, а кто пересидит атаку в траншее, пользуясь неразберихой боя. Бывали у него разные бойцы, некоторых приходилось под угрозой расстрела отправлять в атаку. В штрафную роту за разного рода проступки ссылали не только военных, но и обычных уроков, что предпочли тюремному заключению участие в боях за родину. У многих были страшные статьи, от ограблений до убийств, поэтому чаще всего Петр не надеялся на чувство долга таких бойцов или их желание искупить вину. Бывшие зэки признавали его за крутой нрав и жесткую дисциплину, мгновенно чуяли звериным нутром стальной стержень в ртом. И подчинялись, выполняли приказы, хотя политрук в штрафной роте скрипел зубами от ежедневного зубоскальства и резких шуточек солдат над советской властью.

Остальная часть роты штрафников после нескольких часов отдыха взялась за топоры и ножи, чтобы заготовить в редком лесу плоты. Логунов с Омаевым срубили несколько бревнышек и обрезали их от сучков, а теперь поясняли штрафникам, с которыми предстояло идти на прорыв вместе:

– Вот сначала плот, а потом веревки перережешь, и будет деревянный колейный мост через ров для танка. Вам маленько только протащить их придется.

– Разогнаться и проскочить эту яму, а то тащить еще эту тяжесть. У меня винтовка, магазин, скатка. А тут вы со своими бревнами. Руки не казенные, танки обслуживать, – выкрикнул жилистый мужичонка с куцыми колючками щетины на впалых щеках.

– Если танки остановятся, то у тебя после немецкого пулемета одни дырки останутся, а не скатка! – вспыхнул от злости Руслан. – Мы впереди пехоты на немцев идем, чтобы разрушить огневые точки противника! Или ты что, в пулеметчика из винтовки попадешь с пятисот метров?

– А попаду! – в запале крикнул в ответ клочкастый.

От такого заявления меткий стрелок Омаев пружинисто вскочил на ноги и ткнул куда-то в вершину дерева:

– Вот давай, попади вон в то гнездо! Тогда можешь впереди нашего танка бежать!

– Ты, что ли, попадешь! Придумал, нет там никакого гнезда! – огрызнулся штрафник, испугавшись резкой реакции чеченца.

Но младшего сержанта уже было не остановить, он вытянул из кобуры пистолет и прицелился в невидимую цель на вершине дерева. Сейчас он покажет, как учат стрелять на Кавказе. На плечо разозленного парня легла тяжелая ладонь. Логунов вполголоса, так, чтобы хруст обрубаемых веток заглушал разговор, сурово отчитал забияку:

– Ты что творишь, Руслан? Утром через несколько часов в бой, каждая пуля на счету. Ты ею можешь жизнь спасти себе или товарищу, а ты по гнездам вздумал палить.

От его слов парень сразу же остыл и виновато опустил голову. А опытный Василий Иванович воспользовался минутным затишьем, нашел среди солдат взглядом взрослого мужчину с военной выправкой и, подмигнув, зычно сказал:

– Ну-ка, мужики, давайте учение проведем вам по танковому бою. Нам завтра вместе как часики надо сработать. Чур, впереди танка не бежать. – Ответом ему был дружный смех бойцов. – Вот подберемся мы на танке к врагу, а там земляная ловушка вырыта для нашей машины. Яма в пять меня высотой и в два шириной. Не перескочить ее машине, тут ваша помощь нужна. Ползком, ползком, бревнышки уложили через противотанковый ров и назад.

Отмеченный взглядом взрослый боец, командир взвода, сметливо притащил чурку и пару веток, чтобы старшина мог показать наглядно преодоление переправы. Тот принялся размахивать руками, укладывая чурку на ветки и показывать, как танк преодолеет ров по уложенным бревнам. Бойцы замерли с топорами и ножами в руках, слушая крепкого танкиста.

Лейтенант Завьялов подошел с новоприбывшими к делянке, где его рота заготавливала бревна для сплава. Встретила его тишина. Потрепанные бойцы разбитой в недавнем бою роты замерли вдоль всей полянки. Угрюмые, все в разномастной одежде, они стояли, с вниманием следя за объяснениями рослого танкиста. На каждый его вопрос старались выкрикнуть подсказку, как прилежные ученики.

– Если в колючки? – гудел богатырь.

– Ползти и кусачками резать, – выкрикнул кто-то из толпы, застывшей возле заготовленных бревен.

– Она высотой под метр, под пулеметом не встанешь, – тут же осек кто-то из солдат.

– Вот! – шлепнул тяжелую чурку на наваленные горизонтально палки старшина. – А танк порвет эту немецкую паутину! И дальше можно идти свободно. Танк как камень, все развалит, снесет. Но и вам, мужики, помочь надо, чтобы в яму он не завалился.

– Вот это у вас театр военных действий, – сощурился Петр Максимович, в уголках глаз спряталась улыбка. Какой молодец этот крепкий танкист. – Принимайте новеньких, взводные. Потом построение на обед, полевая кухня прибыла. Командирам взводов отчитаться о готовности плавсредств.

Смущенный появлением офицера, Василий Иванович с усердием взялся перевязывать веревкой свежие, еще влажные бревна, чтобы потом стянуть всю конструкцию в плот. Завьялов кивал в такт доклада подчиненных, а внутри все горело от стыда. Правильно все делает этот широкоплечий могучий вояка, сначала объяснить все надо, научить тактике, приемам руко-

пашного боя. Когда рядовые будут понимать, как обойти каждое препятствие, зачем нужны те или иные действия в атаке, тогда не будет этой дороги из изуродованных тел, оторванных конечностей, обломков винтовок, брошенных пулеметов, что тянется за его спиной уже три года. Но времени нет на учебу и объяснения, винтовку или автомат в руки – и вперед в бой. Сначала отступали, теперь атакуем, а штрафники, нет, не штрафники... люди все так же громоздятся кровавой горой на каждом километре отвоеванной земли. Особенно они, рядовые штрафной роты, которых бросают на самые страшные плацдармы прямо под огонь противника, где их ждет верная смерть. Ни шагу назад – по личному приказу Сталина. Награды, форма, письма из дома – для нормальных солдат, а у них только один шанс получить послабление за свои преступления – искупить вину кровью.

Год назад при стычке с агитатором роты у Петра после тяжелой атаки не выдержали нервы, и он разразился упреками: где же оружие, где техника, теплая одежда для фронтовиков? От обвинения в саботаже за крамольные речи его спас командир, срочно перекинув Завьялова, офицера Красной армии, командовать странным сборищем преступников, дезертиров, бывших эков. Пару месяцев лейтенант ходил мрачнее тучи, даже не пытаясь запомнить фамилии своих бойцов, относясь к ним, ему тогда казалось соответствующе, как к людям второго сорта. Тем более после каждого боя состав роты мог смениться больше чем наполовину, ибо бойцы погибали на очередной высоте или береговом укреплении. Взамен присылали вагоны с новыми осужденными сержантами, старшинами, рядовыми.

Но бойцы послушно шли по его приказу в атаку, дрались отчаянно, иногда практически голыми руками, в минуты отдыха уступали командиру теплое место у печки. И незаметно для себя перестал Петр Максимович обращаться к ним с официальным «товарищи», часто удивляясь, какой же малости достаточно, чтобы оказаться в его воинской части. От назойливых попыток политрука роты обсудить статью и политическую благонадежность новоприбывших солдат ротный командир отмахивался, больше переживая, прибудет ли сегодня полевая кухня или опять его солдатам придется тянуть на сухарях с салом. И ныло у командира внутри от досады, когда рассказывал он своим бойцам о предстоящем наступлении. Солдаты внимательно, а кто вполуха, слушали приказы ротного, у которого внутри все скручивало от мысли, что через несколько часов у некоторых бойцов окаменеют лица, а их застывший взгляд уставится в небо или уткнутся солдаты холодным лбом в землю.

«Хорошо, что на сон приходится мало времени, но потом после войны наверняка мертвые солдаты будут сниться каждую ночь. После войны... Сколько ей тогда будет? Сейчас Лиде семь лет, школьница уже», – мелькнуло в голове и тут же отдало такой острой иглой в сердце, что Петр Максимович еле удержался на обмякших ногах, лишь махнул командирам взводов, чтобы вели личный состав на обед. Никогда не позволял он себе такие мысли: думать о доме, о погибшей во время артобстрела жене, о дочери Лиде, попавшей после ее смерти в детдом. Не думал, даже когда двое суток удерживали, обороняясь от немцев, железнодорожный мост, чтобы не допустить подрыва важного объекта.

«Как заговорили о переломе в войне, сразу расчувствовался как тряпка, домой захотел. Отставить, ты боевой офицер», – отдал себе Петр приказ. Выпрямил спину и зашагал в сторону дымка, шедшего от полевой кухни, чувствуя спиной удивленный взгляд богатыря-танкиста. Логунов с недоумением проводил глазами резко побледневшего до синевы высокого, широкоплечего командира штрафников. Сильные руки старшины стягивали веревку в прочные узлы, он прикинул, что как раз успеет закончить одну сторону, если Руслана отправить за кашей.

– Младший сержант Омаев, приказываю обеспечить командование горячей пищей, – проговорил он, обращаясь к радисту. – Беги за котелками, на всех принесишь. Соколов в лес ушел местность присмотреть, Бабенко весь в солидоле, а мне узлы доделать надо на трех бревнах.

Проворному Руслану уже махал у частокола пустой посудой крепыш Бочкин. За время службы парни сдружились, хотя иногда пробегала между ними черная кошка из-за дерзких шуток и взрывного характера Омаева. Но сейчас они дружно зашагали по влажной от осенней мороси дороге в сторону дразнящих запахов полевой кухни, прибывшей на конной подводе. При виде их спин, узкой подвижной Руслана и покатоной широкоплечей Николая, пальцы у Логунова дрогнули, рассыпав сложную складку из веревки. Уже несколько недель после чтения политруком сводки Информбюро о победе Красной армии на Курской дуге, он отгоняет и отгоняет от себя это теплое ощущение, хрупкую надежду на то, что война скоро закончится. Потому что нехорошее это чувство со слабиной, надежда порождает страх смерти, который превращает бойца в испуганного зайца с колотящимся сердечком. Вот и не позволял Василий Иванович этому чувству овладеть собой, гнал от себя как назойливую муху.

По возвращении с осмотра противоположного берега Алексею сразу же вручили укутанный шинелью котелок с кашей. Он торопливо проглотил теплую еду и попросил Бочкина достать брезент из танка. Наспех соорудил импровизированный навес, развесив его на дереве, и пошел собирать командиров танковых отделений и лейтенанта Завьялова с его заместителями, чтобы скоординировать завтрашние действия по схеме, полученной от партизан. Под деревом сгрудилась небольшая толпа: кто в комбинезонах, кто в вытертых зеленых шинелях. Костистый палец Петра Завьялова снова путешествовал по карте Соколова, отмечая точки вслед за словами лейтенанта Соколова.

– Переправа будет идти в одну цепь, направляющая машина «ноль одиннадцать», старшины Коробова, замыкающие два танка Русановых. Чередуем между машинами плоты с пехотой. Петр Максимович, посчитайте, сколько человек поместится на один плот, и соразмерно этому количеству сооружайте связки из бревен. По прибытии на высоту танки выстраиваем в атакующую цепь. По правому флангу «ноль двадцать один» командира Радченко, левый Русанов «ноль пятьдесят два», второй эшелон Бочковский, Кравченко, Буренков. – Соколов долго думал, кого же из танкистов поставить в первую линию, наконец выбрал самых опытных, чтобы идущие следом машины ориентировались на их действия. Хоть и держит он весь бой ТПУ на командной частоте, а опытный Логунов сам успевает направлять Бабенко куда следует и выбирать ориентиры для огня, ведь не всегда ротному видно в перископ, что происходит с остальными отделениями. Бронированная толща танка – отличная защита при атаке, но при этом и управлять машинами тяжело. Если не работает связь, приходится рисковать жизнью, вылезать из люка и подавать команды отделениям взмахами сигнальных флажков, а то и руками. Поэтому лучше было бы, чтобы опытные экипажи показывали молодым пример ведения танкового боя.

– Сектора наступления с дистанцией в сто метров, ориентиры для водителей выставляете самостоятельно. – Алексей проверил по взглядам реакцию командиров, точно ли нет вопросов. – Моя машина, позывные Ноль семьдесят семь, по центру. Идем расчлененным строем, чтобы уменьшить потери от огня артиллерии. По моему приказу производим развертывание в боевой строй и обстрел вражеских позиций. Используйте подкалиберные снаряды для уничтожения дотов. Траншеи у немцев основательные, в глубину не меньше трех километров. Провести рекогносцировку местности не представляется возможным. Что нас ждет на том берегу, можно судить лишь по схеме от партизан. Самое тяжелое – это пройти огневой мешок в глубине обороны на втором рубеже. – Алексей указал две точки на карте. – На первом рубеже только противотанковый ров, и, скорее всего, местность заминирована, думаю, что немцы надеются на крутизну берега, предполагая, что незаметно туда забраться не получится. Огневые точки с пулеметными расчетами мы уничтожим бронебойными снарядами. Вот здесь две высоты, 73,3 и 61,8, с расчетами противотанковых ружей и два дота с пулеметными гнездами вынесены назад, так, чтобы держать многослойный фланкирующий огонь. Из-за колючки пехоте с

гранатами не пробраться к рубежу. Задача флангов – снести заграждение, чтобы пехота могла пройти следом.

– По борту или корме броню «тридцатьчетверки» немцы пробить могут из ружья, если попадется меткий стрелок. Можно сократить расстояние между танками, проскочим кучкой вперед, чтобы не подстрелили с боков, – предложил Радченко.

– Впереди артиллерия с «Рак» немецким, – Соколов провел курвиметром по карте, – дальность выстрела у них километр-полтора, если пойдем вперед, да еще и общей кучей, превратимся в легкую цель. – Он испытующе взглянул на Завьялова: – Предлагаю маневрировать, отвлекать противника, чтобы пехота обошла с фланга и закидала блиндажи гранатами. Когда будут уничтожены огневые точки, то можно будет продвигаться вглубь плацдарма.

– Сделаем, – кивнул Петр. – Две группы забросают огневые точки гранатами. Отправлю бойцов перед танками, чтобы снять мины и сделать проход. Моим ребятам нужно минут двадцать.

Лицо у него было спокойное, только побелели острые скулы от понимания, что при сплошном огне и превосходящих силах противника из группы прорыва навряд ли хоть один рядовой вернется обратно.

До самых сумерек продолжалось стихийное совещание, потом командира группы лейтенанта Соколова вызвали на вечерний доклад комбату.

Экипаж его танка заканчивал подготовку к завтрашнему наступлению. Логунов проверял, не сбита ли наводка, крутил ручки, то и дело выныривая в люк и сверяясь с деревом, служившим целью. Его земляк Коля Бочкин проверял снаряды, бережно выстраивал их в укладки: 21 бронебойный, 75 осколочно-фугасных, 4 подкалиберных. Внизу Омаев набивал диски пулемета патронами. Бабенко, закончив ползать под днищем машины, занимался, по его выражению, «физзарядкой» – рыл небольшую траншею саперной лопатой. Мест для ночевки в домах крошечной деревни для всех не хватило, и экипажу пришлось сооружать временное пристанище на ночь, учитывая при этом запрет разводить открытый огонь: рядом линия фронта, и ночью в небе рыщут на бреющем полете немецкие «рамы», самолеты FW 189. Воздушные разведчики буквально висели над позициями Красной армии, осуществляя разведку, выискивая на каждом километре крупные воинские формирования.

Руслан с Колей, закончив складывать боекомплект, помогли водителю дорыть траншею, уложили на дне кусок брезента. Семен Михайлович завел танк и медленно наехал на края земляной ямы. Теперь можно накрыть технику брезентом для маскировки, а вниз в яму уже спустить ведро с углем из ближайшей бани. Полчаса, и готова теплая землянка, где можно передохнуть оставшиеся часы до начала боя.

Алексей Соколов вернулся уже к нагретому пространству, где его ждала расправленная шинель из скатки. После долгого дня подготовки Логунов и молодые его подчиненные уже дремали. Из полумрака раздался шепот Семена Михайловича:

– Алексей Иванович, передохните, нужно силы приберечь на завтра.

Соколов в знак согласия кивнул и только прилег на бок, как глаза сами закрылись и его накрыл глубокий беспробудный сон.

К командиру штрафников, Петру Завьялову, сегодня сон не шел, хоть и выделено ему было удобное место на лавке у теплой печки. Целых домов в освобожденном поселке осталось очень мало, поэтому теснились 208 человек личного состава в трех домах, где остались целыми крыша и печка. Солдаты спали вповалку на полу, натаскав с чердака на пол старой сухой соломы. В молочном свете, падавшем из окна, Петр напряженно всматривался в лица, размышлял, кто же завтра пойдет на высоту, чтобы выполнить приказ. Многих он не успел даже запомнить по имени, таким опасно доверять вылазку, от которой зависят жизни нескольких сотен людей. В штрафную роту можно попасть случайно, а можно и за дело: поймать приступ паники в бою и бросить оружие или не исполнить приказ командира. Но вот самая худ-

шая категория среди бойцов Завьялова были эки, которые выбрали фронт вместо тюремного срока за уголовное преступление, – таким точно не стоит поручать зачистку огневой точки. Устав, они игнорируют приказы, во время боев сидят в окопе. А если и заставишь их пойти цепью, то вместо атаки они мародерствуют, обыскивая трупы немецких солдат и офицеров. Пошли такого к огневой точке, так он отползет на десяток метров, полежит за кустом, а потом, вернувшись, с честными глазами соврет, сообщив, что приказ выполнен. Это вам не «банда Рокоссовского». За год Петр Максимович вывел для себя верную примету, можно ли положиться на солдата в бою или нет. Если после легкого ранения красноармеец остается в строю и идет дальше со своей ротой, то имеется у него внутри железный стержень. С таким можно и в разведку, и в атаку. Из своих, проверенных выбор был небольшой. Карпов Володя, который в последнем бою захватил языка и теперь ждал снятия судимости, а до этого после ранения осколком снаряда сам перетянул себе руку портянкой и остался на поле боя. Да вот Егор Данильченко, опытный боец, начинавший войну вместе с Завьяловым в стрелковом взводе. Он участвовал в Севской операции и после освобождения родного Рыльска, не удержавшись, сорвался в самоволку к жене и сыну, который родился уже после его призыва на фронт. Вот он, спит с краю, дышит тяжело во сне, на лице черная тень от густых ресниц, как у девчонки. «У Лиды такие ресницы, пушистые, – снова испытал он острое ощущение. – Что это такое? Страх смерти, муки совести из-за того, что на смерть посылаю людей, или злость на немцев?» Не время сейчас терзаться такими мыслями, Петр понимал, что нужно уснуть и набраться сил. Он достал фляжку с накопленным спиртом. К выпивке он был равнодушен, свои фронтовые сто граммов сливал во фляжку на всякий случай: рану продезинфицировать или дрова облить для розжига. Но в этот раз понимал, что надо. Задержал дыхание, чтобы не кривиться от противной горечи, и резко сделал три больших глотка. От спирта засаднило во рту и в горле, но он сделал два глубоких вдоха, потом плотно закрыл зудящие, как обычно, от пороха и гари веки и расслабился от теплой волны, идущей по телу.

Глава 2

Утро выдалось туманное, словно небо вылило сверху полное ведро парного молока на темный лес. Молочная завеса, влажная и густая, вилась дымкой над водой, укрывала будто плотной тканью все вокруг. Хоть сырая пелена и проникала сквозь толстое сукно формы, вызывала озноб, но Алексей ей был рад как никогда. Из-за густой дымки противник, даже если и услышит звуки танков, но никак не сможет определить расстояние и направление до них, а значит, не будет знать, где нужно усилить огневую оборону. Значит, атака ударной группы будет неожиданной для немцев.

Танки с тяжелым гудением спустились вниз к броду, который еще под утро разведбательный отметил вешками через всю реку. Солдаты один за другим спускали плоты, привязанные веревками к танкам, усаживались на плавсредства, и огромные машины осторожно двигались вброд через реку. Первый танк вел опытный Бабенко. Командир специально выставил своего мехвода во главе колонны, преодолевающей водную преграду, чтобы тот где цепким взглядом увидел, а где и нутром почуял момент, когда машину вдруг начнет болтать или сносить на глубину. Лейтенант радовался: бойцы пехоты сидят молчком, никакой болтовни, строгая дисциплина у ротного Завьялова.

А Петр Завьялов присматривался к новичку, худощавому парню в новом обмундировании. Специально усадил его рядом с собой на влажные бревна. Фамилии парнишки он даже не запомнил, появился тот вчера с новым пополнением бойцов. Тощий и костистый, как воробей солдатик, утром перед построением подошел к командиру роты. Губы у парнишки прыгали то ли от страха, то ли от утренней прохлады.

– Товарищ командир, рядовой Савичев Григорий. Разрешите обратиться?

– Разрешаю, – с хмурым видом кивнул Завьялов – совсем не вовремя этот воробей обращается. Надо провести пересчет, проверить, готовность бойцов, распределить их – сколько человек сядут на одно из девяти средств для переправы. Назначить, в каком порядке взводы будут форсировать Днепр, а после высадки на берегу будут разбирать плавсредства на части. Куски плотов нужны танкам для преодоления противотанковых окопов, придется пехоте тащить их пару километров. Дел много, и вдруг этот воробей!

Тот затоптался на месте, не зная, с чего начать.

– Товарищ командир, я готов искупить вину, готов. Как положено. Вы мне только скажите, что делать. Я так виноват, я... – Слезы выступили у парня, задушили его попытку поговорить с командиром.

18-летний Гриша только недавно попал на фронт. Вся война у него состояла из потерь – погибла мать во время бомбежки, потом от голода скончалась маленькая сестра, пришла похоронка на отца. К своему совершеннолетию парень остался круглым сиротой, поэтому так и рвался на фронт, в бой, чтобы избавиться от своего чувства ненужности. И в первом же наряде случилось с ним страшное, рухнули все мечты о медалях и героических атаках. Рядовой Савичев в наряде заснул, да так крепко, что немецкие диверсанты легко забросали гранатами блиндажи и землянки, которые приютили усталых солдат в перерыве между боями. От удара взрывной волны Гриша потерял сознание, а когда очнулся – пожалел, что выжил – один среди немногих. Все поле вокруг превратилось в кровавую кашу из земли и человеческих останков. И виноват в этом был он, рядовой Григорий Савичев. После военно-полевого суда его прямоком отправили в штрафную роту, хотя Гриша, когда ему дали последнее слово, попросил, обливаясь слезами, себе расстрел. И теперь мальчишка рвался в бой, на передовую, под самый страшный огонь, чтобы хоть как-то исправить свою глупую оплошность. Нескладный и угловатый, он дрожал от злости за свою косноязычность, за то, что не может объяснить командиру готовность пожертвовать своей жизнью, которую считал никчемной и бессмысленной.

– Иди в строй, – бросил Завьялов, у него не было времени разбираться со странным рядовым. И парнишка побрел к солдатам, кусая от досады губы до крови.

Потом он сидел на плоту, затаив дыхание, вслушиваясь в мерное гудение машин и тихий всплеск воды. Как и все фронтовики, он уже стал настороженно относиться к зловещей тишине перед канонадой и грохотом орудий, что взорвут через несколько минут землю и небо. «Все равно сделаю, кровью искуплю», – упрямылся мальчишка. Завьялов повернулся корпусом к нему и одними губами произнес:

– Гранату до того берега докинешь?

Гриша, испытывая нетерпение, кивнул.

– С Карповым к доту отправишься, получишь связку гранат. – От приказа командира парень вздрогнул и почувствовал от страха холодок на затылке, но тут же одернул сам себя: вот он, шанс для подвига.

Переправа прошла спокойно: то ли немецкие часовые дремали перед рассветом, то ли немцы не предполагали, что русские войска могут возникнуть так внезапно, буквально из воды, во всяком случае до крутого берега Днепра вся колонна успела добраться без обстрела с позиций фашистов.

Танки уже были на другом берегу, начали выстраиваться в линию для атаки, осталось только подняться на крутой взъем берега, где скрывались позиции немцев. Сквозь туман они даже слышали перекрикивание немецких солдат, которые никак не могли понять, откуда доносится рев двигателей. Пехота из роты Завьялова возилась с бревнами, бойцы снимали с плеч винтовки, готовились к бою.

– Карпов, Данильченко, – подозвал Петр. Стараясь смотреть прямо в глаза солдатам, приказал: – Сейчас начнется атака танков. Там на высоте два блиндажа с противотанковым оружием. Надо зачистить эти точки, пока идет танковая атака. Если сбоку хоть одну машину пробьют, то нам дальше не пройти. С Карповым идет... – Он закрутил головой в поисках парнишки, рвущегося в бой.

– Я тут, я тоже с вами, – сбоку неожиданно вынырнул Гришка с винтовкой.

– Есть зачистить точку. – В лице Карпова не дернулся ни единый мускул. Только качнулись пышные ресницы удивленно в сторону юного солдата – странный парень, прямо просится на верную смерть. Карпов дернул парнишку за рукав, шепнул:

– За мной.

Возле танковой брони вручил ему связку гранат:

– Я вперед, ты позади. Умеешь гранаты взрывать? За кольцо дергаешь и в блиндаж ее.

– Да, да, нам показывали в учебке. – Парень по-прежнему шептал, боясь спугнуть врага. Но опытный Владимир хмыкнул во весь голос:

– В учебке... – Карпов осмотрел Савичева с ног до головы. – Это жизнь, а не учеба. Или ты, или тебя. Махну рукой – и кидай гранаты.

– Хорошо, хорошо, я все сделаю, – затряс головой Гриша и уже шагнул вперед, когда Карпов подсечкой уложил его на холодную, скользкую от влаги землю.

– Куда ты попер! Ползком! На брюхе, голову вниз прямо в землю тыкай, если сильно будут фрицы поливать.

И тут же грянул орудийный залп, и потом снова и снова, воздух разорвался от беспорядочной пальбы. Немцы, встревоженные непонятными звуками из тумана, принялись поливать из всех орудий молочную завесу в стороне Днепра. И от тумана было вдвойне страшнее, так как командиры не видели, откуда стреляют и как выстраивать цепь из солдат, чтобы не попасть под дождь из пуль.

Гриша покорно пополз.

– Чего ты отклячил зад, – рывкнул Владимир. – Весь в землю ужмись!

Он больше не боялся, что его услышат немцы. В воздух взлетели сигнальные ракеты, и сразу же все вокруг наполнилось звуками орудийных залпов, канонадой зениток, стрекотом пулеметов, воем снарядов. Грохот выстрелов звучал все сильнее и сильнее, вибрируя в воздухе, так что земля и небо раскачивались и, казалось, сейчас обрушатся на голову. Наступление Красной армии во всю мощь прокатилось по линии укрепления немцев вдоль береговых постов. Началось наступление с мощного артобстрела важных для немцев укреплений, данные которых удалось получить разведчикам. Дальше на поле боя ворвались танки, за которыми следовали солдаты с винтовками и автоматами. Ошарашенный противник принялся поливать беспорядочным огнем невидимые из-за тумана советские войска, которые так неожиданно появились со стороны Днепра. В воздухе с визгом пролетали осколки шрапнели, стучали пули, рвались с пронзительным воем артиллерийские снаряды. Пехота замерла, залегла в окопе. Каждый старался найти яму поглубже, чтобы воющий огненный смертельный шквал не разорвал тело на кровавые куски.

И они поползли. Мальчишка сначала отклонял лицо от грязи, но потом зачиркали выстрелы, макушку больно обожгло. Гришка набрал воздуха и вжался лицом прямо в застылую почву до самых висков, прополз, пока в груди не заболело от недостатка воздуха. Вынырнул на секунду – вдохнуть и взглянуть на цель перед собой – и снова утопил лицо в стылых сухих комьях грязи. Впереди двигались черные ориентиры – сапоги Карпова. Гришке казалось, что они ползут уже много часов. То и дело земля под ним вздрагивала от взрывов, в воздухе прокатывались волны выстрелов, от грохота взрывающихся бомб, что сбрасывали истребители с неба на вражеские укрепления, закладывало уши. Иной раз от близких разрывов худенькое мальчишеское тело подбрасывала, словно легкий камушек, содрогающаяся земля, а затем присыпала комками смерзшейся грязи. Паренек сжимался от ужаса. Пламя, вспышки, визг, свист не прекращались даже на секунду. Он скулил, но полз и полз, не отрывая взгляд от черных каблучков кирзачей Карпова. Стоило ему лишь неловко приподнять таз от земли чуть выше или неуклюже вытянуть шею, как чиркающие без остановки в воздухе пули обдирали кожу, оставляя жгучий саднящий след.

Наконец впереди выросла серая глыба блиндажа, откуда из бойниц долбили из противотанковых ружей. Еще несколько метров, и Гриша услышал сквозь орудийный грохот крики немецких солдат. К блиндажу они подползали сбоку, чтобы легче подобраться к входу и закидать его гранатами. Карпов вытянул руку со связкой гранат, но второй рукой сорвать чеку не успел. Одна из чиркающих пуль впилась в локоть. Хлынула кровь, рука мужчины сразу безжизненно повисла. Владимир ухватился левой рукой за связку гранат, намереваясь зубами выдернуть чеку, как что-то черное обрушилось ему прямо на спину. С бруствера сиганул на спину рядового крупный немец в шинели. Один взмах штыкового ножа, и черные пятки сапог затрепыхались в смертельных конвульсиях. Гриша замер с приоткрытым ртом, он как замороженный наблюдал за толстым немцем. Вот голова в глубокой каске повернулась назад, и фашист увидел его, мальчишку в солдатской шинели, перепуганного и застывшего в ступоре. В воздухе мелькнул серо-зеленый рукав шинели и нож с алыми пятнами крови Карпова. При виде елозящих по земле сапог умирающего Володи, от тошноты, подступившей к горлу из-за пугающе ярко-алой крови бойца, Гришка сам не понял, как вскочил в полный рост, бросился мимо толстяка к земляному валу. Толстяк попытался было его остановить, протянул руку, но парнишка уже перекатился через вал и кубарем влетел прямо к входу из бетонных плит. Кажется, его жалили, кусали пули, но он отмечал это лишь краешком сознания. «Быстрее, быстрее... не подвести... кровью, кровью...» – стучали в голове обрывки мыслей. Гришка приподнялся, выхватил связку, выдернул чеку и как был, на полусогнутых ногах, ввалился внутрь блиндажа. Он успел еще повернуться и увидеть, как толстый фриц с криком сунулся за ним и тут же отшатнулся назад при виде замершей тощей руки с тяжелой связкой фугасных зарядов. И тут все взлетело вверх. Серый потолок блиндажа развалился на куски и ударил в лицо Грише. С

металлическим лязгом стукались об стены и пол части ружей и пулеметов, даже толстый немец нелепо выгнулся назад и взлетел над земляной стеной, словно жирная гусеница. Парнишку подняло волной взрыва, протащило через обломки бетона вверх, к небу, и вдруг он полетел обратно, больно ударившись о землю. Опять жесткими ледяными комьями посыпалась земля, так что мир исчез под ее черным слоем. Только один глаз у парнишки смотрел из-под земляной толщи и кусков бетона. Смотрел радостно на голубое небо, вдруг вынырнувшее сквозь клочки тумана. «Успел!» – ликующе подумал Гриша и умер.

Лейтенант Соколов в это время прижимался к нарамнику перископа так, что саднило лицо. Придавив ларингофон к горлу, он отдавал команды:

– Двадцать, держать дистанцию! Не сбивайся в кучу. Сдай вправо на тридцать метров. Разворачивай корпус влево, не подставляй борта! Огневые точки немцев работают еще, не добралась пехота. – Танки выстроились в боевой атакующий строй и уверенно двинулись вперед, сминая колючие заграждения и не замечая летящих из немецких автоматов и пулеметов пуль. – Меньше хода, маневрируем! Я «семерка», все экипажи, не торопимся, идем на малых оборотах, – снова отдал приказ командир отделения. Он не торопился идти в наступление. Ждал, когда люди Завьялова выполнят задание – уберут опасные блиндажи с противотанковыми ружьями. Соваться под непрерывный огонь с закрытых огневых позиций слишком рискованно, когда группа совсем небольшая и подбитый танк прикрыть некому.

– Березка, пятьдесят метров правее пулеметное гнездо, – выкрикнул Омаев, прильнувший к амбразуре.

– Плюс тридцать на ориентир береза, выстрел! – Соколов крутанул командирскую башню.

Логунов с Бочкиным с полуслова понимали командира. Наводчик работал обеими руками, совместил марку с целью, правой поднял ствол чуть выше. Грохнул выстрел, лязгнул казенник, и башня наполнилась пороховыми газами. Загудел вентилятор, и сизый пороховой дым потянуло наружу.

Ефрейтор, заряжающий в брезентовых рукавицах, сноровисто поймал горячую гильзу и выкинул вверх через отверстие люка.

– Ловко раскидал! – выкрикнул Омаев, который наблюдал в смотровую щель за фонтаном взрыва. Ему мало что было видно, но в небольшой визор стрелок наблюдал, как после прямого попадания снаряда в дзот во все стороны полетели детали немецкого пулемета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.